

Алексей Горский

пациент номер 48

Алексей Горский

Пациент номер 48

«Автор»

2026

Горский А.

Пациент номер 48 / А. Горский — «Автор», 2026

Городская больница 7 стоит на этом месте больше шестидесяти лет. За это время через её палаты прошли тысячи людей. Некоторые выписались. Некоторые — нет. А некоторые так и не были внесены в журналы. Когда в палате 312 умирает старик, в его руке находят бумажного журавлика — точно такого, какие складывала медсестра, погибшая здесь двадцать лет назад. В ту же ночь в больницу привозят девочку, которая не помнит своего прошлого, а медсестра Лена замечает в коридоре дверь, которой там быть не должно. Трое — уставшая медсестра, молодой хирург и подросток с блокнотом — начинают задавать вопросы, на которые больница не хочет отвечать. Потому что у неё есть своя память. И свой список имён.

© Горский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ночной обход	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Алексей Горский

Пациент номер 48

Ночной обход

Ночной обход Ночью в больнице всегда пахнет по-другому. Днём это запах хлорки и лекарств, а после полуночи к ним примешивается что-то ещё — старое, пыльное, будто где-то на верхних этажах открыли дверцу шкафа, которой не касались лет тридцать. Медсестра Лена знала этот запах с детства, потому что выросла в двух кварталах отсюда и ещё девчонкой бегала сюда к бабушке на работу. Тогда ей казалось, что больница — это просто большое здание. Теперь она так не думала.

В третьем часу ночи её разбудил звонок с поста. Дежурная просила зайти в 312-ю, к Пахомову. Лена накинула халат и пошла по коридору, стараясь не смотреть на тёмные окна, за которыми не было ничего, кроме собственного отражения. В 312-й было тихо. Слишком тихо. Семён Ильич лежал на спине, глаза закрыты, лицо спокойное, будто он просто уснул после долгого дня. Лена коснулась его запястья и всё поняла. Потом заметила в его правой руке бумажного журавлика. Маленького, белого, с аккуратно загнутым клювом. Так складывала только её бабушка — она помнила это по детству, по жёлтым листам, которые бабушка приносила с работы и превращала в птиц. Бабушка умерла двадцать лет назад, и журавликов после неё не осталось. Лена постояла минуту, потом накрыла старика одеялом до подбородка и вышла, не выпуская птицу из руки.

Вера проснулась от холода. Не от звука, не от света — просто от того, что стало холодно, хотя окно было закрыто. Потолок над ней был белый, с трещиной в форме молнии, и она долго смотрела на эту трещину, пытаясь вспомнить, где видела её раньше. Не вспомнила. На запястье был браслет с именем, которое она прочитала как чужое: Вера Соколова, семнадцать лет, аллергия на лидокаин. Она не помнила ни дороги сюда, ни того, что было до дороги. Только смутное чувство воды и холода — как будто она долго стояла где-то у реки. На тумбочке лежала записка, напечатанная ровными буквами: «Не спи после трёх. Он ходит по коридору». Вера перечитала её дважды и не почувствовала страха — только раздражение. Кто-то играл с ней, а она не любила, когда с ней играли.

В соседней кровати сидела пожилая женщина и вязала. Спицы щёлкали ровно, как часы, и от этого щёлканья в палате становилось спокойнее. Женщина не подняла глаз, когда Вера села. — Не читай их записки, — сказала она спокойно, будто говорила о погоде. — Они любят пугать новеньких. — Кто «они»? — спросила Вера. Женщина на секунду остановила вязание, потом продолжила. — Те, кто здесь дольше, чем помнит себя. Я тут работала медсестрой, потом лежала, потом снова работала. Теперь вот лежу. Привыкла. Вера хотела спросить ещё что-то, но в этот момент дверь приоткрылась, и в щель заглянул мальчик лет двенадцати. Левая рука у него была в гипсе, а на лице было такое выражение, с каким обычно смотрят на что-то запретное. — Вы тоже её видели? — шёпотом спросил он, глядя на Веру. — Дверь в конце коридора. Я вчера нарисовал её в блокноте, а сегодня её там нет.

Мальчика звали Кирилл, и он попал сюда три дня назад — упал с дерева, когда убегал от старшеклассников. Он не любил говорить о себе и не любил, когда его жалели, поэтому сразу перешёл к делу: достал из-под подушки блокнот и показал Вере свои записи. На страницах были планы этажей, стрелки, отметки: где мигают лампочки, где зимой теплее, чем летом, где по ночам слышны шаги, хотя коридор пуст. Отдельно, на последней странице, был нарисован план подвала — и на нём квадратик, обведённый красным. — Здесь нет такой комнаты, — сказал Кирилл. — Я проверял по схеме у поста. Но я слышал, как оттуда ночью гудит. Как

будто там что-то работает. Или дышит. Вера смотрела на его рисунок и чувствовала, как что-то в памяти шевелится — медленно, как рыба подо льдом. Она не могла вспомнить, но знала: она уже видела эту схему. Или похожую.

Артём Кравцов узнал о смерти Пахомова в половине четвёртого. Он работал здесь первый месяц после ординатуры и ещё не успел привыкнуть к тому, что ночные звонки — это норма. Он спустился в отделение, подписал бумаги, мельком взглянул на старика и уже собирался уходить, когда Лена — медсестра, которую он знал хуже остальных, — остановила его в коридоре. Она держала в руке маленького бумажного журавлика и смотрела на него так, будто он мог что-то сказать. — Посмотрите, — сказала она. — Это было у него в руке. Артём взял птицу, развернул. Внутри оказался старый бланк — выцветший, с трудом читаемый. «Пациент 48. Диагноз: не существует. Наблюдать. Врач: Пахомов С. И. 1984 г.» Он перечитал трижды. — Это чья-то шутка? — спросил он. — Нет, — ответила Лена. — Это третья такая бумажка за месяц. Первые две нашли у Громовой и у Морозова. Оба умерли в один день, с разницей в неделю. Артём не верил в совпадения. Он верил в статистику, в протоколы и в то, что у каждой смерти есть причина, которую можно записать в карту. Но он также верил своим глазам, а глаза говорили ему, что Лена не врёт. — В архиве есть старые истории болезней, — сказала она тише. — В подвале, в комнате, которой нет на плане. Я покажу, если хотите. Только не ходите туда один.

Тем временем Вера и Кирилл уже стояли в конце коридора, перед стеной, где ещё вчера, по словам Кирилла, была дверь. Сейчас там была только белая краска и надпись «Техническое помещение». Кирилл приложил ладонь к стене и нахмурился. — Она холоднее, чем должна быть, — сказал он. — Как будто за ней что-то есть. Вера коснулась стены и почувствовала, как под пальцами что-то дрогнуло — слабо, как пульс. Она отёрнула руку. В этот момент в конце коридора появилась Нина Петровна — та самая женщина с вязанием. Она шла медленно, но уверенно, и когда подошла, Вера заметила, что спицы она держит не как обычно, а сжав в кулаке, будто оружие. — Идите в палату, — сказала Нина Петровна. — Быстро. Вера хотела возразить, но женщина посмотрела на неё так, что слова застряли в горле. Они вернулись в 307-ю, и Нина Петровна закрыла дверь, потом постояла, прислушиваясь. — Здание не злое, — сказала она наконец, глядя в окно. — Оно просто помнит. Каждого, кто здесь лежал. Каждого, кто умер. И тех, кто ещё не родился. Кирилл открыл рот, чтобы спросить, что это значит, но где-то глубоко внизу, под ними, что-то глухо ударило. Один раз. Потом ещё раз. Как сердце. Нина Петровна побледнела и села на кровать, и спицы в её руках наконец разжались.

Утром Артём шёл по коридору с твёрдым намерением написать заявление — не из-за мистики, а из-за усталости, которая копилась годами. Но когда он проходил мимо 307-й, дверь открылась, и на пороге появилась девочка. Худая, с браслетом на запястье, с взглядом, который был старше её возраста. Она смотрела прямо на него, и Артём почему-то остановился. — Вы доктор? — спросила она. — Да. — Тогда объясните, почему в этой больнице есть комната, которой нет на плане. И почему в ней на стене написано моё имя. Артём молчал. Он не знал, что ответить, потому что в её голосе не было ни страха, ни истерики — только спокойная уверенность человека, который уже видел то, что видел. Где-то в глубине здания снова ударило. Как сердце. И Артём понял, что никуда не уйдёт. — Пойдём, — сказал он. — Нам нужно в подвал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.